

Илья Бояшов

Писатель, историк. Родился в 1961 году в Ленинграде. Член Союза писателей Санкт-Петербурга и Союза журналистов Санкт-Петербурга и Ленинградской области. Лауреат Премии Правительства Санкт-Петербурга в области культуры и искусства (2021) и премии «Национальный бестселлер» (2007), финалист Всероссийской премии искусств «Созидающий мир» (2022). Книги его неоднократно экранизировались (по повести «Танкист» снят фильм Карена Шахназарова «Белый тигр»). Живет в Санкт-Петербурге.

Игнатий Брянчанинов

(1807–1867 гг.)

Одним из самых выдающихся религиозных просветителей и учителей России по праву считается святитель Игнатий Брянчанинов, воспитавший своими поучениями и трудами не одно поколение священников и монахов.

Родился он в старинной дворянской семье 5 (17) февраля 1807, в селе Покровском Вологодской области. В миру будущего святителя звали Дмитрий Александрович Брянчанинов. Еще в детстве он почувствовал склонность к молитвенным трудам и уединению. В 1822 году по настоянию отца Дмитрий поступил в Военное инженерное училище, которое окончил в 1826 году. Его лично знал сам царь Николай I, и перед молодым офицером открывалась блестящая карьера, но он еще до окончательного экзамена подал прошение об отставке, желая принять монашество. Эта просьба не была удовлетворена царем, и Дмитрий Александрович направился на службу в Динабургскую крепость, где тяжело заболел: видно, на то была Воля Божья. 6 ноября 1827 года он получил вождеденную отставку и сразу поступил послушником в монастырь.

28 июня 1831 года епископом Вологодским Стефаном Брянчанинов был пострижен в монашество с именем Игнатий в честь священномученика Игнатия Богоносца, 5 июля его рукоположили в иеродиакона,

а 20 июля — в иеромонаха. Затем в 1833 году он был возведен в сан игумена, а в 1834 — в сан архимандрита.

В ноябре 1833 года император Николай I поручил игумену Игнатию управление пришедшей в запустение Троице-Сергиевой пустынью под Петербургом. Под руководством нового игумена обитель была отстроена, приобрела благообразный вид; были посажены сады, в прудах разводили карпов, монастырю принадлежали и окрестные земли, которые так же благоустраивались.

В 1847 году впервые появились в печати литературные произведения Брянчанинова: в журнале «Библиотека для чтения» были опубликованы статьи «Валаамский монастырь». Игнатий суммировал учения Святых отцов и разработал учение о «прелести», когда бесы, принимая образ святых, приходят к подвижникам и начинают льстить их самолюбию и очаровывают различными видениями. Иных прельщенных, по мысли Игнатия, надлежало передавать в дома умалишенных. Среди грехов своего времени он особенно выделял «парадерство» (человекоугодие).

27 октября 1857 года отец Игнатий стал епископом Кавказским и Черноморским. В 1861 году епископ Игнатий ушел на покой и поселился в Николо-Бабаевском монастыре Костромской епархии, где вёл уединённую молитвенную жизнь до самой кончины 30 апреля (12 мая) 1867 года. 6 июня 1988 года Святитель Игнатий был причислен к лику святых. Перед канонизацией, 26 мая 1988 года, его мощи были торжественно перенесены в Свято-Введенский Толгский монастырь (Ярославль), где они находятся до сих пор.

Воспоминания современников

Из воспоминаний архимандрита Игнатия (Малышева), первого келейника епископа Игнатия Брянчанинова:

Архимандрит Игнатий Брянчанинов умел любить чад своих духовных, но умел и учить их; много пострадал он за них, много вынес на своих плечах клеветы и порицаний.

Архимандрит Игнатий душу свою полагал за учеников своих: он прощал всякую немощь — лишь бы человек сознал ее с покаянием; но не навидел лукавство и фарисейство; гордость и тщеславие обличал и искоренял ежедневно. Каких, бывало, унижительных качеств не навяжет старец своему послушнику и непременно заставит все сие сознать в себе и за все просить прощения.

В особенности доставалось много подобных испытаний келейнику его Игнатию, известному под названием Маленького, проходившему различные послушания, и между прочими послушание свечника.

Эта должность в летнее время требовала безвыходного пребывания в церкви: свечник увольнялся, только чтобы пообедать или выпить чаю, который первое время братия собиралась пить в келье настоятеля. Игнатий обыкновенно приходил, когда все уже отопьют, и в чайнике оказывался не чай, а, как они выражались, «ай». И такого-то чаю Маленький Игнатий нальет себе чашку, а в эту минуту, случилось, войдет архимандрит, возьмет его за ворот и гонит в шею из комнаты вон, приговаривая: «Ах ты окаянный, сластолюбец! Разве ты за тем пришел в монастырь, чтобы чай пить? Вон пошел». И идет послушник на свое место к свечному ящику. Товарищ его, о. Феофан Комаровский, впоследствии бывший архимандритом Соловецкого монастыря, бывало, спросит: «Что, родименький, напился чаю?» — «Напился», — ответит Игнатий.

Но он учил и воспитывал каждого ученика по его силам и способностям, не щадя своих сил, не жалея времени, и если его ученикам бывало нелегко принимать его учения и усваивать себе его правила, то и ему не мало трудов стоило каждого отдельно воспитать, внушить любовь к урокам и возводить в духовное состояние.

В то время был в монастыре другой Игнатий — наместник, которого называли Молодой: видный по лицу и росту, на все способный, распорядительный, неутомимой деятельности, любимец многих. Нельзя было и самому ему не сознавать своих достоинств, тем более, что он был крестьянского происхождения.

Однажды приходит к нему родной брат, деревенский мужичок, в сером кафтане; самолюбивому наместнику стыдно стало принять такого брата: он отказался от него и выслал вон. Мужичок передал свою скорбь некоторым из братий; это дошло до архимандрита. Тот немедленно приказал привести мужичка к себе; принял его в гостиную, обласкал, посадил, велел подать чаю и в то же время послал за наместником. Когда он вошел, архимандрит, обращаясь к нему, сказал: «Вот, батенька, к тебе братец пришел, поздоровайся с ним и садись чай пить. Он обедает у меня, приходи и ты с нами обедать». Отец архимандрит накормил, напоил мужичка и наградил еще на дорогу, а потом сделал назидание своему красивому наместнику.

Система воспитания новоначальных у настоятеля была такова: он приучал их быть откровенными с ним, не только в делах, но и в помыслах. Такая откровенность и близость отношений не допускала учеников до грубых погрешностей: как-то было стыдно и жалко оскорбить своего отца и благодетеля, который старался не стеснять их и не воспрещал веселости в обращении между собой, даже в его присутствии.

Архимандрит Игнатий ненавидел несогласия и ссоры: если случилось кому поссориться, он немедленно призывал их к себе и мирил,

чтобы не оставалось неприязни до другого дня. Простой старец по имени Антоний так усвоил себе это правило, что, бывало, вечером ходит всюду, ищет брата, с которым размолвился, и всех спрашивает: «Не видал-ли такого-то?» И на вопрос: «На что тебе его?» — отвечает: «Да видишь ли, голова, давеча с ним поразмолвил, а отец говорит: солнце да не зайдет во гневѣ вашем; надо прощенья попросить». И непременно отыщет брата и исполнит свое благое намерение. Этот старец готовился к пострижению и во время сенокоса сушил сено вместе с рабочими. Архимандрит пришел на сенокос и сказал: «Бог помощь», — и, обращаясь к Антонию, спросил: «Что ты тут делаешь?» Старец по простоте отвечал: «Тружусь, как преподобный Сергий». — «А я тебе припомню, как трудился преподобный Сергий», — отвечал настоятель.

Когда Антоний принял пострижение, то пришел к настоятелю просить монашеского правила, какое благословит ему держать. «А помнишь, что ты сказал мне на сенокосе, — говорит настоятель, — что ты трудишься, как преподобный Сергий? Преподобный Сергий клал по тысяче поклонов в сутки, клади и ты». — «Ой, батюшка, не могу, стар». — «Ну так смирись, клади двенадцать поклонов». Антоний упал к ногам настоятеля и говорит: «Батюшка, мало, благослови класть триста». — «Много, старец, не выдержишь». — «Нет, благослови: Бог поможет за твои молитвы». И исполнял старец это правило до самой смерти.

Отец Антоний жил подле кухни и по старости лет не ходил на братскую трапезу, но кушал в своей келье. За три дня до смерти, во время трапезы, пришел Антоний на братскую трапезу и поклонился всей братии. Некоторые улыбнулись и, шутя, сказали: «Отец Антоний пришел прощаться». Старец прошел к Павлу Петровичу Яковлеву, который жил подле трапезы, дал ему пять рублей и сказал: «Вот, голова, у меня племяш, солдатик в походе; будет жив, придет, так отдай ему». — «Сам отдай, старец», — отвечал Яковлев. «Не ровен час, голова, сам-то, может, и не отдашь». Антоний удалился в свою келью, лег и на третий день скончался кончиною праведника.

При мудром руководстве настоятеля много было поучительных случаев, из коих приводятся здесь некоторые. Под покровительством преподобного Сергия, в продолжение пятнадцати лет не было ни одного смертного случая в Сергиевой пустыни. Первым скончался иеромонах Владимир во время управления архимандрита Игнатия. Долго страдал инок Владимир водяною болезнью, и настоятель, имея обычай навещать болящих, чтобы приготовить их к кончине, навестил и о. Владимира, который лежал уже на одре смертном. «Не хочешь ли принять схиму?» — спросил настоятель. «Какой я схимник», — смиренно отвечал умирающий, считая себя недостойным такой милости. Вскоре скончал-

ся страдалец, и кончина его ознаменовалась утешительными видениями, составляющими домашнюю тайну Сергиевой обители.

Архимандрит Игнатий, оказывая любовь и сострадание к болящим по телу, еще более оказывал милости и снисхождения к немощам душевным. Некто Платон Яновский, бывший придворный малолетний певчий, пришел в монастырь, и вскоре открылся у него прекрасный голос — баритон; певец не уступал знаменитым итальянцам и прожил несколько лет в обители в качестве послушника. В это время фельдмаршал князь Барятинский пожелал устроить у себя на Кавказе хор певчих и обратился в придворную капеллу с требованием способного человека для занятия должности регента. Капелла указала на Яновского. Яновскому предложены были значительный оклад и блестящая карьера в будущем.

Яновский, пробыв несколько лет на Кавказе, вполне удовлетворил желанию князя и возвратился обратно в монастырь. Проживши несколько лет в другом обществе, вернулся Платон, да не он: с новыми навыками и немощами. Архимандрит подумал: что делать? Взят он ребенком от отца-священника, теперь — круглый сирота, и, по свойственному ему милосердию, оставил Платона у себя. Яновский был весьма признателен настоятелю за такую милость; даже в минуты своих слабостей с плачем падал ему в ноги и целовал его руки. Отеческим обращением о. архимандрита сохранен от явной гибели человек. Яновский прожил до смерти в монастыре и, кроме немощи, от которой сознательно страдал, был кроткий, смиренный и истинный христианин, чему служит доказательством предсмертное письмо его ко второму настоятелю Игнатию.

Еще подобный сему пример представляет бывший Нижегородский протоиерей Василий Петрович Малев. Это был человек способный, разумный, но подверженный той же немощи. Он сам о себе говаривал: «Несчастный я человек: был молод, талантлив, — бывало, купцы и помещики на руках носили, угощали Василия Петровича, кровь перепортили; вот и доживай свой век да страдай, Василий Петрович».

Это была личность такая солидная и разумная, что совестно бывало и вспомнить об его слабости. Однажды, по немощи, был он заперт в своей келье, когда поправился, говорит приставнику: «Поди к архимандриту и скажи, что мне нужно поговорить с ним». Архимандрит благословил придти. Малев входит к настоятелю и, чинно помолившись пред св. иконами, говорит: «Вот что, батюшка, вам известна моя немощь и скверное житие мое; но я и в таком положении имею обычай ежедневно пред образом преподобного Сергия, который находится у меня в келье, читать акафист. Вот, на этих днях стою я пред иконой преподобного Сергия и читаю, а образ как бы говорит мне: "Поди к твоему настоятелю и скажи ему, чтобы он тебя высек". Так, батюшка, как же благословите, публич-

но или наедине?» — «Вот видишь, Василий Петрович, — сказал настоятель, — преподобный Сергей сам о тебе заботится. Я нахожу, что лучше наказать публично, чтобы другие имели осторожность». — «Как благословите, батюшка, так и исполните», — спокойно отвечал кающийся. Конечно, это не было исполнено.

Были и другого рода болящие, которых архимандрит Игнатий не оставлял без внимания. Поступил в монастырь молодой человек, сенатский чиновник, Иван Мызников, впоследствии иеромонах и казначей Сергиевской пустыни. Человек весьма хороший и строгой жизни, но, вероятно, по ревности, без руководства, самочинно привел себя в странное состояние духа, близкое к прелести. Отец архимандрит, как опытный руководитель, заметив в нем неправильное настроение, приказал ежедневно приходить к нему. Мудрый наставник, желая разбить в послушнике некоторое мнение о себе и ипохондрическое расположение духа, называл его веселеньким и употреблял разные меры, как словесные, так и практические, с прямою целью довести его до детского смирения, уничтожить самомнение и начало губительной прелести. Это продолжалось года три или четыре; и наконец удалось архимандриту, так сказать, вынучить человека: Мызников пришел в нормальное положение и был полезен для обители.

Другой послушник, Николай, заболел тяжкою болезнью и до того высох, что ему казалось, будто желудок его прирос к спинной кости. Больной имел обычай открывать помыслы настоятелю, который поместил его близ себя, чтобы наблюдать за ним поближе. Когда Николай стал поправляться, ему стали приходить помыслы о самоубийстве, к нему приставлен был человек, и в келье все опасное было прибрано. Но он усмотрел как-то гвоздь над дверью, и помысл стал говорить ему сделать тесемку из простыни и удавиться на этом гвозде. Но обычное откровение помыслов спасло его и на этот раз: он сейчас же исповедал преступное намерение своему старцу и тем сохранил жизнь свою.

Когда он значительно стал поправляться, о. архимандрит начал несколько развлекать его. Однажды дал ему бумагу и велел отнести в канцелярию, но нигде не останавливаться, а скорее возвращаться обратно. Николай пошел и пропал. Настоятель послал за ним: в канцелярии его не оказалось; послали верхового по дорогам и к морю, и около монастырских прудов отыскивать его, но Николай нигде не находился. Архимандрит стал на молитву... Через два часа приходит к нему сам больной. «Где ты был?» — спрашивает его настоятель. «На колокольне», — отвечает больной. «Зачем же ты туда ходил?» — «Помысл сказал мне: иди на колокольню и соскочи оттуда». — «Отчего же ты не соскочил?» — «Я долго думал, а другой помысл говорил мне: как же ты соскочишь без благословения батюшки? Я думал, думал, да и сошел с колокольни».